

Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности).

Один из авторов данной статьи, Д. Е. Фурман, в 1990-1992 гг. принимал участие в большом социологическом исследовании религиозности в России в период "антикоммунистической революции", результаты которого были опубликованы в ряде изданий (Д. Фурман. Религия и политика в современном массовом сознании // Вопросы философии. 1992. №7; С. Филатов, Д. Фурман. Религия и политика в массовом сознании // Социологические исследования. 1992, № 7; Л. Воронцова, С. Филатов, Д. Фурман. "Религия и политика в современном массовом сознании" // В кн.: "Религия и политика в посткоммунистической России". Отв. ред. Л. Митрохин. М., 1994). Затем работа была прекращена - не хватило сил, денег и главное - сил на добывание денег.

Но в это же время началась работа над ставящим очень схожие задачи совместным проектом Академии Финляндии и Российской академии наук под руководством второго автора, К. Каарияйнена (кроме К. Каарияйнена в работе участвовали Х. Хейно, И. Сихво, В. Андреенков и др.). Этот проект осуществлялся в рамках Всемирной программы изучения ценностей (World Values Survey) - единой системы опросов, проводящихся с 70-х гг. в разных странах мира. В марте - апреле 1996 г. финско-российская исследовательская группа провела опрос среди 1664 человек по всероссийской выборке. Результаты этого опроса оказались вполне сопоставимыми с данными более ранних опросов 1990-1992 гг., и их сравнение помогает понять, что произошло с российским сознанием за последние 6 лет и как меняется отношение русских людей к основным мировоззренческим проблемам.

Первой задачей и исследования 1990-1992 гг., и российско-финского исследования было оценить силу второго удара российского "идейного маятника" - от атеизма назад к религии. Первый "ход маятника" - от религии к атеизму, начавшийся еще задолго до Октябрьской революции, достиг своей предельной высоты, очевидно, в хрущевские времена, когда казалось, что еще совсем недолго и религия совершенно исчезнет. Но очень скоро появились первые признаки того, что маятник начал свое обратное движение. Как всегда, движение это началось в интеллектуальных кругах с обращений одиночек - Б. Пастернака, А. Солженицына, А. Синявского, С. Аверинцева и др., сыгравших в этом обратном движении роль, аналогичную роли, сыгранной при первом "ходе маятника" людьми типа Д. Писарева, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова. Затем по мере нарастания общего кризиса социальной и идеологической системы признаков "религиозной волны" становится все больше, а в ходе "антикоммунистической революции" конца 80 - начала 90-х гг. происходит крушение официальной атеистической идеологии.

В обществе, в котором еще совсем недавно религия преследовалась и, казалось, была на грани исчезновения, установился "прорелигиозный" и "проправославный" консенсус. Опрос 1996 г. показал, что "положительное" и "очень положительное" отношение к православию - убеждение подавляющего большинства: 88% опрошенных, в то время как о своем "отрицательном" и "очень отрицательном" отношении заявили только 4%. Этот "прорелигиозный" консенсус настолько велик, что охватывает даже большинство тех, кто называет себя атеистами - положительно относятся к православию 66% атеистов. Ответы на другие аналогичные вопросы подтверждают наличие этого консенсуса. Так 63%

опрошенных (и 29% атеистов) считают, что церковь удовлетворяет духовные потребности людей, 55% (и опять-таки 29% атеистов) - что она дает ответы на моральные вопросы, 43% - что она "необходима" (противоположного взгляда придерживаются только 3%). Естественно, что эти "прорелигиозные" настроения активно эксплуатируются (и тем самым до какой-то степени закрепляются и усиливаются) политиками, наперебой старающимися сделать что-нибудь "религиозное" - построить Храм Христа-Спасителя, появиться на телеэкранах со свечкой в руках в церкви, продемонстрировать уважение и близость к патриарху и т.п. На официальном уровне торжественные богослужения уже практически заменили торжественные партсоборания, и православие стало выполнять чуть ли не роль "официальной идеологии".

Значит ли это, что в России произошло что-то вроде второго "крещения Руси", массовое обращение к религии атеистического населения? Несомненно, нет, и по двум причинам.

Во-первых, потому что в российском массовом сознании никогда не было столь же абсолютного, как в официальной идеологии, господства атеизма. Атеистический марксизм все же не смог стать за годы своего господства такой же всеобщей народной верой, какой когда-то было православие. К сожалению, судить о реальном состоянии массового сознания советской эпохи крайне сложно. Социологические опросы того времени, как известно, демонстрировали массовый атеизм, но цена этих опросов сомнительна. Опрос же 1996 г. выявил совершенно удивительную картину. Определили как атеистов: своего отца - 8,2% опрошенных, мать - 3,4%, деда - 2,3%. бабушку - 1%. При этом у лиц 18-28 лет, родители которых безусловно воспитывались при советской власти, соответствующие цифры - 11,6, 3%. Напротив, как о верующих говорят среди лиц 18-28 лет о своем отце 17%, матери - 43%, деде - 35% и бабушки - 66%. Разумеется, здесь речь идет о теперешнем состоянии сознания и если бы лет 20 назад этих отцов и матерей спросили бы, верят ли они в Бога, многие, несомненно, ответили бы: "Нет". Однако ясно, что атеисты в России никогда не были подавляющим большинством, которое всегда немножко, чуть-чуть во что-то полуверило.

Во-вторых, как мы могли это уже понять на примере современного отношения к религии атеистов, вполне можно "положительно" относиться к религии и не верить в Бога. Между "отношением к религии" и "отношением к Богу" - большая разница. И хотя "отношение к Богу", безусловно, тоже изменилось, масштабы этих изменений, как мы вскоре убедимся, весьма невелики и "прорелигиозный консенсус" - это отнюдь не массовая религиозность.

Перейдем теперь от уровня отношения к религии, где, как мы видели, - "полный консенсус", к чуть более глубокому уровню сознания - уровню декларируемых веры или неверия, атеизма. Масштаб перемен при этом сразу же становится меньше.

По данным российского исследования 1990-1992 гг. атеистов в 1990 г. было 16% (несомненно, что "массовый уход" из атеистов произошел несколько раньше - в 1988- 1989 гг.), в 1991 г. - 11%, в 1992 г. - 8%. По данным исследования 1996 г., атеистами именовали себя 6% опрошенных. Мы видим, что цифры прекрасно согласуются между собой и говорят о большом, но явно замедлившемся падении удельного веса этой мировоззренческой группы в населении. Это замедление падения, несомненно, связано с тем, что основная масса советских "атеистов" перестала так именовать себя уже в конце 80 - начале 90-х гг., предпочитая теперь или более "мягкие" определения: "неверующий" и "колеблющийся" или даже став "верующими". Те же, кто продолжает называть себя атеистами и сейчас - это "твердый остаток", уже выдержавший натиск "религиозной волны". При этом уменьшившийся, освободившийся от конформистской массы атеизм становится

"идейно чище". В опросах 1990-1992 гг. было обнаружено, что параллельно уменьшению числа людей, именующих себя атеистами, среди них уменьшается и процент тех, кто верит в разные современные парарелигиозные и паранаучные мифы - телепатию, астрологию, экстрасенсов и т.д. Опрос 1996 г. также показывает, что вера в подобные мифы у атеистов - меньше, чем в любой другой мировоззренческой группе, включая и наиболее "серьезных", "традиционных" верующих. Те, кто называют себя атеистами сейчас - куда более "настоящие" атеисты, чем конформистские атеисты советской эпохи. (Однако, как мы видели, "прорелигиозные" настроения захватили и атеистов, так что теперешний атеист - это не "воинствующий безбожник", скорее это - "атеист для себя", не верящий в Бога, но верящий, что религия - полезна, почти так же, как верующая бабушка советской эпохи была "верующей для себя" и могла искренне уважать и любить атеистическую власть и радоваться вступлению своего внука в комсомол или партию.)

Падение численности и удельного веса в населении атеистов сопровождается, естественно, ростом числа верующих. Согласно данным исследования 1990-1992 гг. удельный вес в населении лиц, отвечающих "да" на вопрос, верят ли они в Бога, повысился за этот период с 29 до 40%. По данным финско-российского исследования, он повысился с 1991 по 1996 г. с 35 до 47% (данные, как мы видим, опять-таки вполне сопоставимые). Кроме вопроса: "Верите ли вы в Бога?" R финско-российском исследовании опрашиваемым предлагалось определить себя как "верующих", "колеблющихся", "неверующих" и "атеистов". Тех, кто определяет себя, как верующих - меньше, чем отвечающих "да" на вопрос о вере в Бога, и динамика их удельного веса такова: 1991 г. - 23%, 1993 г. - 32%, 1996 г. - 34%. Мы видим, таким образом, не только рост числа верующих, но и заметное и быстрое замедление этого роста, параллельное отмеченному выше замедлению падения числа атеистов. "Религиозный бум", несомненно, кончается или уже кончился, ход маятника от позиции "атеизм" к позиции "религия" замедляется, и он останавливается, причем на отметке, которую никак нельзя назвать особенно высокой. На самом поверхностном уровне - уровне отношения к религии, изменения очень велики, официальное же отношение переменялось почти на прямо противоположное - от государственного атеизма к практически государственному православию. Но на несколько более глубоком уровне - уровне самоидентификации и словесной "веры в Бога" изменения отнюдь не так велики.

Если мы хотим, однако, правильно оценить масштабы и глубину происшедших за последние годы изменений в сознании и реальных "успехов религии", мы не можем останавливаться на уровне самоидентификации. Дело в том, что в обществе, в котором господствуют "прорелигиозные" настроения и религия приобретает официальный статус, самоидентификация себя как верующих неизбежно приобретает черты, схожие с самоидентификацией как неверующего или атеиста в годы советской власти - она становится "конформистской", люди отвечают так, как отвечать "прилично", как от них ждут. Поэтому обязательно надо спуститься на еще более глубокий уровень и посмотреть, какая мировоззренческая реальность скрывается за этой "верой в Бога". И тут выясняется, что у большинства за ней не стоит почти никакого реального содержания.

Достаточно сказать, что только 38% "верующих" представляет Бога как Личность, а 40% - как "жизненную силу", только 45% верят в загробное существование души. 20% - в воскрешение мертвых, 52% - в рай и 46% - в ад и только 49% "верующих" согласились с тем, что "жизнь имеет смысл потому, что есть Бог". Зато 30% "верующих" верит в переселение души и 41% в астрологию (в выборке в целом - 20 и 37%) Посещение церкви не реже раза в месяц по данным

финско-российского исследования было в 1991 г. на уровне 6%, а в 1996 г. - 7% (один из самых низких уровней посещаемости в Европе, ниже - только в Белоруссии и Латвии) и даже среди "верующих" оно было лишь на уровне 18%. Данные исследования 1990-1992 гг. показывали посещаемость церкви на уровне 9-10%, среди верующих - 21%. Это, разумеется, не значит, что с 1990 г. посещаемость упала (выборки, несомненно, далеки от совершенства), но очевидно, что она и не возросла, хотя процент "верующих" вырос очень значительно, а число функционирующих церквей за это время практически удвоилось. Создается впечатление, что с верующими происходит нечто противоположное тому, что происходит с атеистами. Множество людей, ранее бывших (или предпочитавших называть себя) атеистами и неверующими, сейчас называют себя верующими, но реальное содержание их сознания и их поведение это практически не затрагивает. Поэтому понятие "атеист" по мере уменьшения числа атеистов становится все более "серьезным", наполненным реальным содержанием, а понятие "верующий" - все более "пустым".

В связи с этим при анализе данных опроса 1996 г. была предпринята попытка выделить группу более или менее "серьезных", "настоящих" верующих, которых исследователи назвали "традиционными верующими". Это - люди, одновременно дающие положительный ответ на вопрос: "Верите ли Вы в Бога?" (47% опрошенных), идентифицирующие себя как верующих (34% опрошенных, часть тех, кто отвечает: "да" на вопрос о вере в Бога, тем не менее, идентифицирует себя как "колеблющихся" или даже "неверующих") и как православных (33% всех опрошенных при 3% лиц иных религий и конфессий и 64% не знающих, как себя определить), видящих в Боге Личность, а не силу (15%), а также, по их словам, часто молящихся (13%). Таких, однако, как выяснилось, - ничтожно мало, всего 4%. Да и их "ортодоксальность" при ближайшем рассмотрении оказывается несколько сомнительной. Так, даже среди них только 65% верят и 14% не верят в загробное существование души, только 44% - в воскрешение мертвых, зато 29% верят в астрологию и 41% - в переселение душ. Поэтому, если бы социологи еще немножко "ужесточили" бы критерий включения в категорию "традиционных верующих", она, очевидно, просто исчезла бы из выборки.

Вот вам и все, более чем скромные, результаты российского "религиозного бума". Его достижения оказываются чисто внешними или очень поверхностными, практически не затрагивающими более глубоких слоев сознания. Внешне религия процветает - открываются новые храмы, бывший лидер "Коммунистов за демократию", вступая в должность курского губернатора, целует перед телекамерами икону, начальство стоит в церквях со свечками и т.д. Но чем глубже мы идем, тем меньше реальных изменений мы видим. И число более или менее реальных, "настоящих" верующих за эти годы, похоже, вообще не выросло и, может быть, даже уменьшилось. Но если рост удельного веса верующих в населении уменьшается, достигнув только 47% отвечающих "да" на вопрос о вере в Бога (что меньше не только США, где таких людей - 96% или Польши, где их - 94%, но даже такой нерелигиозной страны, как Франция, где их - все-таки - 57%), роста удельного веса "настоящих" верующих нет вообще, а число атеистов уменьшается, то что же происходит с основной массой народа? Кто она, эта основная масса?

Абсолютное большинство русских - не атеисты и не верующие. Как "колеблющихся" и "неверующих" (но не атеистов) определили себя только 54% опрошенных (и еще 6% вообще не сумели себя определить). Но если мы примем во внимание, что большинство "верующих" в строгом смысле этого слова никак верующими не являются (даже 4% традиционных верующих - цифра, основанная на очень либеральных критериях "традиционности"), а среди атеистов тоже есть

меньшинство, имеющее отнюдь не атеистические представления, то людей с неопределенным, не религиозным и не атеистическим мировоззрением окажется именно абсолютное большинство, почти весь современный русский народ. Эта зона "мировоззренческой неопределенности" растет давно. Всеобщей православной религиозности не было уже в прошлом веке, коммунистам также отнюдь не удалось достичь состояния "идейного монолита" и реально неопределенность при них усилилась, всеобщий атеизм был в значительной мере фикцией, даже в "лучшие годы" под ним таились сомнения - "а может, что-то и есть, и может быть, на всякий случай, ребенка лучше покрестить?". Но при новом движении маятника, назад к религии, эта неопределенность усилилась еще больше, достигнув колоссальных размеров. Одно из ее крайних и ярких проявлений распространение всякого рода пара- научных и парарелигиозных мифологем, совершенно эклектически соединяющихся друг с другом и с другими элементами сознания. Опросы 1990-1992 гг. показали, например, рост веры в переселение душ с 8 до 11%, финско-российское исследование - с 17% в 1991 г. до 20% в 1996. Переселение душ - догмат индуизма и буддизма, но данное "переселение" имеет к ним самое отдаленное отношение. При анализе данных опроса 1996 г. мы объединили в одну группу лиц, одновременно верящих в переселение душ (20% опрошенных) и астрологию (37%). Эти лица (всего их - 12% выборки), действительно, показывают несколько большие, чем опрошенные в целом, симпатии и меньшие антипатии к индуизму и буддизму. Но у них большие симпатии - ко всем религиям. Переселение душ - не от индуизма и буддизма, а от массовой культуры откуда и уфология, экстрасенсорика, астрология, вера в "энергетических вампиров", колдунов, шаманов и т.д., образующие в сознании не структурированные, не объединенные в логическую систему, постоянно меняющие свои составные элементы (Кашпировские и Аум Синрикё приходят и уходят), неустойчивые соединения друг с другом и с такими элементами, как вера в Бога и вообще "остатки православия", вера в прогресс и "остатки марксизма", вера в демократию и свободный рынок и др. Не религия побеждает в России атеизм, но религия и атеизм отстают перед ростом мировоззренческой неопределенности и идейной эклектики. Общие цифры динамики российского отношения к религии, мировоззренческих группировок российского общества можно дополнить данными, говорящими о распространении разных типов мировоззрения в различных социальных и демографических группах.

Новые идейные движения начинались обычно в интеллигенции и затрагивали прежде всего молодежь. Когда весь народ еще верил в Бога, среди петербургских студентов уже появились нигилисты. Идеологическая волна постепенно захватывает один слой за другим, лишь в конце добираясь (или так и не добираясь) до самых отсталых и темных. В позднесоветскую эпоху существовал социологический стереотип верующих как в массе своей - темных старых деревенских женщин. Начавшаяся с Писарева и Чернышевского волна постепенно овладевала страной, но до этих "бабушек" так и не дошла. По этой логике движение к религии тоже должно идти от молодой интеллигенции (и вроде бы, так оно и было, все началось с обращений ряда видных представителей интеллигенции, тогда еще молодых), захватывая все более широкие слои и постепенно "маргинализируя" атеизм. Можно ли проследить нечто подобное на материалах опросов?

Сосредоточим сначала наше внимание на социальном облике двух противоположных по своему мировоззрению групп - атеистов и "традиционных верующих". Будучи крайними, полярными по мировоззрению группами, они по своим основным социально-демографическим параметрам также являются собой яркие противоположности. Остальное население, большинство, по этим

параметрам занимает такое же среднее положение, какое оно занимает мировоззренчески. Верующие в целом (не только "традиционные") показывают те же характеристики, что и традиционные", а неверующие - что и атеисты, но в менее яркой форме. Атеисты - группа "мужская" (мужчин - 70%), традиционные верующие - женская (78% женщин, среди всех верующих - 69%). Среди атеистов - несколько больше, чем среди всех опрошенных, лиц, состоящих в браке (65 и 62%) и несколько меньше разведенных (10 и 11%). Среди традиционных верующих, наоборот, состоящих в браке - только 46%, а разведенных - 37%, причем 28% - людей, живущих в одиночестве, без семьи, т.е., значительно больше, чем среди всех респондентов (15%). Атеисты - значительно образованнее "среднего русского", среди них только 7% лиц с незаконченным средним образованием при 19% таких в выборке и 32% лиц с высшим образованием при 22% в выборке. Традиционные верующие - значительно менее образованны, чем "средний русский" и тем более, "средний русский атеист". Среди них 48% людей с незаконченным средним образованием и только 14% - с высшим (среди всех верующих - 31 и 18%). Атеисты по происхождению - скорее горожане. До 16 лет в деревне жили 35% атеистов (в выборке - 36%), в большом городе - 25% (в выборке - 22%). Большинство традиционных верующих, напротив, - выходцы из деревни, где из них жили до 16 лет 53%. Атеисты - богаче среднего русского. Среди них личный доход более 500 000 рублей в месяц имеют 55%, среди всех опрошенных - 48%. Семейный доход более 1 200 000 рублей в месяц имеют 46% атеистов и 44% опрошенных. Традиционные верующие, наоборот, значительно беднее среднего русского. Среди них с личным доходом более 500 000 рублей - только 27%, с семейным более 1 200 000 рублей - только 29%. (Вообще размеры личного дохода удивительно точно соответствуют грациям от традиционного верующего до атеиста: 27% с доходом более 500 000 рублей - среди традиционных верующих, 37% - среди всех верующих, 53% - среди колеблющихся, 54% - среди нерелигиозных и 55% - среди атеистов.) Среди традиционных верующих - очень много пенсионеров - 58%, что значительно больше, чем среди атеистов (22%) и всех опрошенных (23%).

Еще по одной важной характеристике традиционные верующие и атеисты являют собой яркие противоположности. Традиционные верующие - действительно "традиционны". Среди них больше, чем в любой другой мировоззренческой группе, людей, определивших мировоззрение своих родителей - так же, как и свое собственное. 87% из них назвали верующей свою мать и 62% - отца. Наоборот, как атеистку определили свою мать только 1% традиционных верующих и как атеиста отца - только 4%. У атеистов - картина совершенно иная. Только 22% определили свою мать, как и себя - атеисткой (18% назвали мать верующей) и только 32% назвали атеистом отца (верующим - 2%). Однако все же не по всем социальным и демографическим характеристикам традиционные верующие и атеисты отклоняются от "средних русских" в противоположных направлениях. По двум объективным характеристикам они ближе друг к другу, чем к остальной массе, к "прочим". Во-первых, хотя в постсоветскую эпоху ухудшилось экономическое положение всех групп, у атеистов и у традиционных верующих оно ухудшилось несколько больше, чем в среднем. Так по сравнению с 1991 г. материальное положение ухудшилось у 21% атеистов, 20% традиционных верующих и 16% населения, улучшилось соответственно - у 9, 10 и 13%.

Таким образом, и атеисты и традиционные верующие в какой-то мере утрачивают свои экономические позиции. Во-вторых, и атеисты и традиционные верующие - заметно старше большинства населения. Лиц 18-28 лет среди атеистов - 16%, традиционных верующих - 9%, в выборке - 19%, 29-39 лет

соответственно -17, II и 23%, 6&-69 лет -16, 24 и 14%, свыше 70 лет -10, 29 и 7%. Обе определенные, четкие позиции в отношении религии - позиции стариков и "нормальная" традиционная религиозность - позиция еще более глубоких стариков, чем атеизм. Таким образом, исследование 1996 г. почти идеально подтверждает стереотип, созданный атеистической социологией и пропагандой советской эпохи - о религии как мировоззрении уходящего, социально и культурно маргинального, традиционалистского слоя. Как же эта картина сочетается с представлением о том, что новая, "передовая" идейная волна должна идти от интеллигенции и молодежи, постепенно оттесняя старое мировоззрение в социально-маргинальные слои? И как она сочетается с реальными фактами обращения к религии еще в советские годы видных интеллигентов, а также с московскими "светски-тусовочными" впечатлениями, с тем что периодически мы встречаем молодых интеллигентных верующих?

Плохо сочетается. Движение молодой интеллигенции к религии, несомненно, было. Молодые интеллигентные верующие - это реальность. Но это - такого рода реальность, которую в цифрах, характеризующих состояние сознания общества в целом, "невооруженным взглядом" не разглядишь, нужна "лупа". Обращение интеллигенции к религии - факт, но то, что только 14% традиционных верующих (т.е. 14 от 4%) с высшим образованием - это тоже факт. Попробуем, однако, все-таки применить эту "лупу", "найти" и наших цифрах новообращенную молодежь и оценить масштабы ее прихода к религии.

Сравним распределение возрастных групп в выборке и целом, среди всех верующих и среди традиционных верующих, каждый раз отмечая, на сколько представителей данной группы среди верующих больше или меньше, чем среди опрошенных. Лиц 18- 28 лет в выборке- 19%, среди верующих- 18% (-1%), среди традиционных верующих - 9% (-10%). Лиц 29-39 лет соответственно 23, 16% (-7%), 11% (-12%), 40-49 лет 23,20% (-3%), 15% (-8%), 50-59 лет - 13, 14% (+1%), 13% (+0%), 60-69 лет - 14, 19% (+5%), 24% (+10%), старше 70 лет-7, 13% (+7%), 29% (+22%). Обратим внимание на то, что хотя представителей самой молодой возрастной группы, 18-28 лет. среди верующих - меньше, чем среди всех опрошенных, но все же не настолько меньше, как представителей следующей группы, 29-39 лет. Только начиная с этой группы, 29- 39 лет, мы видим плавное и регулярное увеличение удельного веса представителей более старых возрастов среди верующих. Переход же от группы 18-28 лет к группе 29-39 лет этой логике не подчиняется, из общей картины выпадает. Вот, наконец. применив "лупу", мы нашли то, что искали. Вот он - приток молодых людей, которым в эпоху "революции" 1991 г. было 13-23 года. Масштабы его - ничтожны и он лишь чуть-чуть задержал общий процесс "старения" группы традиционных верующих.

Традиционные верующие - социально маргинальная группа с преобладанием бедных и некультурных старых людей. Атеисты - не маргинальны, но с тенденцией к маргинализации - они стареют и беднеют. Кто же тогда молод и динамичен? Какой тип мировоззрения обладает самой "перспективной" социально-демографической базой? Ответ ясен - люди с неопределенным и эклектичным мировоззрением - самые молодые и динамичные. Они не только численно растут, но и растут преимущественно за счет представителей наиболее "стратегически важных" социально-демографических групп. Правда, среди верящих в астрологию и реинкарнацию, как и среди верующих в Бога, хотя и в меньшей степени, большинство(60%) - женщин (мужчины всегда - "материалистичней" и "приземленной"). Но это совсем другие женщины. В каждой более молодой возрастной группе, как показывает материал опроса 1996 г. (и как это совпадает с данными 1990-1992 гг.), верящих в астрологию и реинкарнацию - больше, чем в следующей по возрасту. Так, среди лиц 18-28 лет в реинкарнацию

верят 28%. 29-30 лет - 21%, старше 70 лет - 14%, в астрологию соответственно - 49, 44 и 18%. Среди верящих в астрологию и реинкарнацию - больше, чем в населении в целом, лиц с высшим образованием (26 и 22%) и людей, имеющих доход более 500 000 руб. (56 и 48%). При этом у 20% из них материальное положение сейчас - лучше, чем было 5 лет назад (в населении в целом - у 13%). Анализ распространения мировоззрений в отдельных социально-демографических группах подтверждает вывод, к которому мы пришли, рассматривая общую динамику мировоззренческих групп. Будущее, по всяком случае то будущее, которое можно увидеть, экстраполируя теперешние тенденции - не за религией и не за атеизмом. Оно - за мировоззренческой неопределенностью и эклектикой.

Мы видим, что из материалов опроса 1996 г. возникает социальный облик традиционных верующих, почти идеально совпадающий с социальным обликом верующих, созданным "научно-атеистической" литературой советского времени, рассматривавшей религию как "пережиток". Психологические характеристики "традиционных верующих" и атеистов еще больше соответствуют стереотипам анти-религиозной пропаганды. Атеистическое меньшинство по сравнению с населением в целом - меньшинство относительно счастливое, уверенное в себе и смело глядящее в будущее, традиционные верующие - меньшинство несчастное, не уверенное в себе и боящееся и настоящего и будущего.

"Счастливых" и "очень счастливых" среди атеистов - 61%, традиционных верующих - 45% (верующих в целом - 48%), всех опрошенных - 51%, "несчастливых" и "очень несчастных" - 32, 52 и 44%. "Полностью недовольных жизнью" - 10, 22 и 13%, "полностью довольных" - 7, 4 и 4%. Недовольство жизнью по сравнению с позднесоветским временем выросло во всех группах, но и 5 лет назад традиционные верующие были самыми недовольными, а атеисты - самыми довольными. Как полностью недовольным жизнью 5 лет назад не назвал себя ни один атеист, но назвали себя 4% традиционных верующих и 3% всех респондентов, как полностью довольных соответственно - 16, 9 и 11%. Полностью довольными семейной жизнью назвали себя 16% атеистов, 12% традиционных верующих и 14% населения, полностью недовольными - 10, 15 и 9%. Очень гордых своей работой (вопрос задавался только работающим) - 19% атеистов, 8% традиционных верующих, 12% из 12% опрошенных, в какой-то мере гордых - 26, 19 и 27%. Полностью недовольных своим финансовым положением - 22, 32 и 23%. Для традиционных верующих характерен больший страх перед миром, чем для населения в целом и тем более - для "излучающих оптимизм" атеистов. Так ощущают, что не обладают никакой свободой выбора, 6% атеистов, 24% традиционных верующих и 7% опрошенных, что, наоборот, обладают очень большой свободой - 19, 7 и 11%. Даже согласных с тем, что жизнь не имеет смысла, среди традиционных верующих (7%) - больше, чем среди всех опрошенных (5%, среди атеистов - тоже 7%). В наше время почти никто не считает, что люди стали лучше. И все же среди атеистов нашлось 4% полагающих, что люди сейчас помогают друг другу охотнее, чем раньше. Среди традиционных верующих таких не нашлось вообще. Естественно, что у традиционных верующих - больший страх перед "чужаками", чем у среднего русского и тем более - чем у атеистов. Так, не хотели бы иметь соседями людей иных рас 8% атеистов, 11% традиционных верующих и 10% опрошенных, мусульман - 10, 16 и 15%, иммигрантов и иностранных рабочих - 6, 14 и 12%, евреев - 7, 13 и 9%, вообще людей иных национальностей - 3, 5 и 4%.

С большим страхом, чем средний русский, вглядываясь в окружающий мир, традиционный верующий испытывает и больший страх перед будущим. Часто думают о смерти 17% атеистов, 48% традиционных верующих и 19% всех

опрошенных (обратим внимание, что атеисты думают о смерти реже среднего русского, хотя по возрасту они старше). Уверены, что через 5 лет будут полностью недовольны жизнью - 7% атеистов, 11% традиционных верующих и 6% опрошенных, уверенных, что будут полностью довольны - 9, 3 и 10%. Считающих, что при больших переменах надо быть особенно осторожными - 9% атеистов, 28% традиционных верующих и 13% всех респондентов, испытывающих при таких переменах прежде всего беспокойство - 10, 29 и 13%, полагающих что "проверенные временем идеи обычно - самые лучшие" - 14, 25 и 14%, что новые идеи - лучше - 8, 4 и 7%. Со всем этим вполне согласуется и то, что 46% традиционных верующих - значительно больше, чем атеистов и всех опрошенных (и тех и других - 31%) считают, что приказы начальства надо выполнять без размышлений и только 19% (атеистов - 37%, всех опрошенных - 33%) считают, что сначала надо убедиться в их правоте.

Таким образом, сказать про российских верующих: "блажен, кто верует, тепло ему на свете", - нельзя. Им совсем не тепло, а холодно. Относительно тепло атеистам, а "обычным" людям, не верующим и не атеистам - не тепло и не холодно. Откуда же эти различия в психологии верующих, атеистов и "прочих"? Очевидно, не от религии и атеизма, четко выявить влияние которых на психологию на основании имеющегося материала невозможно. Для этого надо было бы сравнить идентичные в социально-демографическом отношении группы "чистых" верующих и "чистых" атеистов. Но при небольшом числе и тех и других в выборке и в населении (при этом обе эти группы, особенно традиционные верующие, как мы видели, не очень-то "идейно чистые") и при громадных социально-демографических различиях между ними, такие группы были бы ничтожно малы. В основном, безусловно, эти психологические различия - следствие различий объективных, социально- демографических. Образованный, относительно обеспеченный, со стабильным семейным положением мужчина несколько старше средних лет. доминирующий среди атеистов, не может не быть оптимистичней и уверенней в себе, чем определяющая социальный облик традиционных верующих необразованная, бедная, часто - разведенная и одинокая пенсионерка. Религия для такой женщины - средство обрести душевный покой (97% традиционных верующих, по их словам, находят в религии покой) и, не будь у нее религии, она была бы еще несчастней.

Однако связь данных психологии и мировоззрения, безусловно, не случайная. Религия (разумеется, не вообще всякая религия, вряд ли это может относиться к американскому баптизму или таджикскому и афганскому исламу, а та религия, которая реально есть в России в наше время) - мировоззрение, прекрасно "подходящее" такой психологии и такому социальному типу, прекрасно выполняющее компенсаторно-утешительную функцию для несчастных, оттесненных на обочину жизни, но очень малоприспособленное для людей активных, устремленных к действию и к будущему. И бурные идеологические процессы рубежа 80-х и 90-х гг. ничего здесь принципиально не изменили. Как религия осталась мировоззрением по преимуществу социально маргинального слоя, так она осталась и мировоззрением людей психологически маргинальных. И в какой-то мере, очевидно, она и закрепляет, культивирует соответствующую психологию. Равным образом, и атеизм, очевидно, закрепляет адекватную ему психологию. Как ответы верующих, так и ответы атеистов на "психологические" вопросы - это не только выражение психологии, но и в какой-то мере - и выражение мировоззрения, это - выражение мировоззренчески закрепленной и культивированной психологии.

Основная масса опрошенных, как мы видели, - менее оптимистична и уверена в себе, чем атеисты, но менее пессимистична и неуверена, чем верующие.

Посмотрим, однако, на ответы группы лиц с самым эклектичным мировоззрением - верящих в реинкарнацию и астрологию. Они демонстрируют среднюю степень оптимизма и пессимизма, но все же их ответы чуть оптимистичнее средних и чуть ближе к "атеистическим". В некоторых же вопросах они показывают оптимизм и уверенность в себе значительно выше средних. Например, уверенных, что через 5 лет они будут полностью довольны жизнью, среди всех опрошенных - 10%. А среди верящих в астрологию и реинкарнацию - 15%. Среди всех опрошенных 7% заявляют, что они приветствуют большие перемены. Среди "астрологов" и "реинкарнационистов" таких 13%. Даже реже, чем атеисты (4 и 6%) они склонны считать, что не обладают никакой свободой выбора (хотя вроде бы астрология должна внушать именно это). Реже, чем атеисты (31%) и чем все опрошенные (тоже 31%) они считают, что надо безоговорочно выполнять все приказы начальства (28%) и значительно чаще (40%, среди всех опрошенных - 33%, атеистов - 37%) - что надо сначала убедиться, что они - правильные.

Если относительные оптимизм и самоуверенность атеистов в какой-то мере, очевидно, "идеологичны", им "полагается" быть оптимистичными, то у "эклектиков", верящих в астрологию и реинкарнацию, такой связи оптимизма с идеологией нет. Скорее, наоборот, увлеченность астрологией было бы легко понять, как проявление тревожности, неуверенности в будущем. Но никакой усиленной тревожности эти люди, в отличие от традиционных верующих, не проявляют. Мы видели, что это в основном - относительно молодые, образованные и обеспеченные люди. И психология их соответствует их положению, положению динамичной группы, занимающей хорошие и "улучшающиеся" позиции.

Исследование 1996 г. показывает не только большие психологические различия традиционных верующих и атеистов, но и большие различия между ними в сфере моральных оценок.

Наиболее существенны эти различия - в сфере половой и семейной морали. Несмотря на то что атеисты чаще состоят в браке и чаще довольны семейной жизнью, согласных с утверждением, что брак - "устаревший способ организации семейной жизни" среди атеистов - 18%, а несогласных - 76%, среди традиционных верующих - 11 и 84%, среди всех опрошенных - 14 и 76%. Атеисты больше, чем "средние русские", и значительно больше, чем традиционные верующие, склонны одобрять женщину, которая хочет иметь ребенка без брака (40% атеистов, 30% верующих и 38% опрошенных). Атеисты немного чаще, чем "средние русские", одобряют сексуальную свободу, но традиционные верующие ее совсем не одобряют. "Скорее одобряют" ее 18% атеистов, 4% традиционных верующих и 16% опрошенных, "скорее не одобряют" - 55, 64 и 52%. Считают, что в семье очень важна верность супругов - 72% атеистов, 80% традиционных верующих и 72% опрошенных, что очень важны хорошие сексуальные отношения между мужем и женой - 59, 31 и 48%, что очень важно, чтобы в семье были дети - 63, 71 и 64%, "полностью согласны" с тем, что дети страдают, если мать работает - 19, 22 и 21%, "несогласны и полностью несогласны" - 33, 35 и 34%. Атеисты реже, чем опрошенные в целом, и значительно реже, чем традиционные верующие, склонны думать, что дети должны любить родителей вне зависимости от их моральных качеств (71, 86 и 75%) и значительно чаще среди них встречаются те, кто думает, что родители должны заслужить любовь детей (24, 10 и 19%). Чаще атеисты упоминают среди качеств, которые они хотят видеть в детях, независимость (54, 24 и 37%), воображение (13, 4 и 11%), отсутствие эгоизма (18, К) и 18%), реже - послушание (21, 35 и 25%). Кроме вопросов, связанных с сексуальной и семейной сферами, еще в двух вопросах позиции атеистов и традиционных верующих

отклоняются от "средней русской" в противоположных направлениях. Считают, что самоубийство никогда не допустимо, 51% атеистов, 77% традиционных верующих и 53% опрошенных, что никогда недопустима эвтаназия -28, 54 и 30%. Различия, как мы видим, довольно велики и основной их источник, разумеется, - различия объективных характеристик и психологии атеистов и верующих. Психологические особенности личности, ее моральные оценки, ее политические взгляды - все это единое целое, и столь разные фигуры, как типичный атеист и типичный верующий (вернее, типичная верующая), имели бы различные системы моральных оценок, даже если бы между ними не было никаких формальных идейных различий. Но все же эти различия имеют не только социально-психологическое, но и идейное происхождение. Это идейное происхождение - не непосредственное влияние определенной идеологии и ее организации, ведущих определенное моральное воспитание. У атеистов такой организации вообще нет, а говорить об активном актуальном влиянии церкви на верующих - очень трудно, ибо, как мы видели, даже на горстку традиционных верующих и даже в самых основных религиозно- мировоззренческих вопросах ее влияние минимально. Если церковь не может убедить верующих, что душа - бессмертна и не переселяется из тела в тело, то вряд ли она может серьезно повлиять на систему их моральных оценок. Однако мы можем говорить о косвенном влиянии православия и церкви - через системы моральных норм и идеалов, воспринятых в процессе воспитания, укорененных в русском прошлом и сформировавшихся при участии церкви и под ее влиянием. Не случайно, что 86% традиционных верующих (при 75% среди всех опрошенных) утверждают, что их родители разделяют их этические взгляды - это и есть традиция. Традиционные верующие ориентируются на старорусскую православную модель семьи, как нерасторжимого сакрального союза, где муж - неоспоримый глава, "кормилец", которому повинуются жена и дети. Безоговорочное осуждение самоубийства и эвтаназии также связано с этой традиционной моралью. Эта мораль "подходит" социальному типу традиционных верующих. Например, безоговорочное осуждение развода для одиноких разведенных (скорее всего, не по их инициативе) женщин может иметь колоссальное психологическое значение. Но только психологически эта мораль не объяснима. Это - православная мораль, и старая мусульманка не могла бы, наверное, так же резко осуждать развод, а старая японка не стала бы так же безоговорочно осуждать самоубийство.

Но у атеистов тоже есть ориентация на определенный моральный идеал - на модель семьи, как основанную на любви добровольном союзе, в котором не "авторитарны" не только отношения между мужем и женой, но и отношения между родителями и детьми. На наш взгляд, здесь можно увидеть влияние коммунистической моральной традиции, идеальной коммунистической морали. Система моральных оценок атеистов - это, как нам представляется, не отсутствие морали и не "ослабленная мораль", а именно иная мораль ("лучше" она или "хуже" православной, мы не обсуждаем). Сейчас мы попытаемся показать, что это действительно так.

На первый взгляд, в оценках атеистов присутствует оттенок релятивизма и чуть ли не гедонистического аморализма. Так, если с утверждением, что есть абсолютные критерии добра и зла, согласились 35% атеистов, 50% традиционных верующих и 34% населения, то с противоположным утверждением, что добро и зло зависят от обстоятельств -54, 28 и 50%, с утверждением, что цель жизни - получить от нее все самое лучшее - 43, 21 и 38%. Но очень многие ответы атеистов говорят о том, что теоретические "релятивизм" и чуть ли не "гедонизм" сочетаются с очень жесткой системой оценок.

В приведенных выше ответах атеисты и традиционные верующие отклоняются от ответов "среднего русского" в противоположных направлениях, как, вроде бы, и должно быть, ибо они представляют собой как бы два мировоззренческих полюса, между которыми - все прочие полуверующие и полубатеисты. Но, как это на первый взгляд ни странно, и в ряде ответов на вопросы в ходе исследования 1990-1992 гг. и в ответах на вопросы в 1996 г. и атеисты и традиционные верующие отклоняются от большинства не в противоположных, а в одном и том же направлении. Это - прежде всего вопросы, затрагивающие трудовую этику и все то, что можно назвать "честностью", "ответственностью", "чувством долга". Так при всем своем "либеральном" подходе к сексуальным и семейным проблемам атеисты, как и традиционные верующие, чаще, чем опрошенные в целом, требуют от родителей бескорыстного самоотверженного служения своим детям. С тем, что родители должны доставлять своим детям все самое лучшее даже ценой собственного благополучия, согласились 53% атеистов, 67% традиционных верующих и только 49% опрошенных, с противоположным утверждением, что родители должны иметь прежде всего собственную жизнь - 27% атеистов, 16% традиционных верующих и 29% опрошенных. И среди атеистов, и среди традиционных верующих - больше, чем в населении в целом, людей, говорящих, что они не представляют себе жизни без труда (33, 28 и 27%), и заметно меньше - видящих в труде печальную необходимость (41, 45 и 49%), Убежденных, что, в конечном счете, упорный труд всегда принесет жизненный успех, среди атеистов - 24%, традиционных верующих - 17%, всех опрошенных - 16%. (Обратим внимание, что если среди атеистов много людей, занятых интеллигентной, престижной и высокооплачиваемой работой, то среди традиционных верующих их крайне мало. Поэтому относительно высокая оценка верующими труда и даже его результатов может быть лишь следствием традиционной морали.)

Особенно много отклонений в одинаковом направлении у атеистов и традиционных верующих - в вопросах, связанных с честностью и самодисциплиной. Так ответили "никогда" на вопросы, считают ли они для себя допустимым не платить за проезд в общественном транспорте - 31% атеистов, 24% традиционных верующих и 23% опрошенных, обманывать государство при уплате налогов - 42, 37 и 31%, купить краденую вещь - 61, 70 и 57%, брать взятки - 68,75 и 66%, принимать наркотики - 85, 93 и 84%, оставить при себе найденные чужие деньги - 40, 47 и 34%, обманывать для собственной выгоды - 42, 39 и 32%, изменять мужу или жене - 41. 53 и 36%, совершать аборт - 14, 22 и 12%. (Обратим внимание, что атеисты - чаще за сексуальную свободу, но одновременно чаще против измен и абортов, так сказать, за "ответственную" сексуальную свободу.) В чем же причина сходства оценок групп не только противоположных по своему мировоззрению, но с очень разными психологиями и объективными характеристиками?

Первое естественно возникающее объяснение такого сходства - возраст. Вспомним, что в одной важнейшей демографической характеристике традиционные верующие и атеисты схожи - и те, и другие относительно стары, старше "среднего русского". Между тем есть очень сильная положительная корреляция между возрастом и частотой "моральных" ответов на вопросы. Чем старше человек, тем его мораль "тверже" и "строже", чем моложе - тем "мягче". Но есть и иное объяснение, которое одновременно может явиться и объяснением этой связи между возрастом и "морализмом". Любая идеология содержит некоторые простые и общие моральные принципы. Как бы ни были различны по своим моральным идеалам фашизм, коммунизм, православие и буддизм - они одинаково против проезда без билета и взяток. И в вопросах взяток, измен жене и т.д. "настоящие" фашисты, коммунисты, христиане, буддисты одинаково

противостоят людям без серьезных убеждений, чувства долга и ответственности. Поэтому здесь может действовать просто фактор влияния более сильной и жесткой идейной системы - неважно какой. Тогда становится понятной и сильная корреляция "моральных" ответов на подобные вопросы и возраста. "Аморальность" молодежи связана со слабостью в молодежной среде любых четких идейных систем.

Посмотрим теперь на моральные оценки людей, верящих в астрологию и реинкарнацию. С тем, что есть абсолютные критерии добра и зла, среди всех опрошенных согласились 34%, в этой группе - 30%, с противоположным утверждением - 50 и 61%. с тем, что цель жизни - получить от нее все лучшее - 38 и 47%, скорее одобряют сексуальную свободу - 16 и 25%, скорее не одобряют - 52 и 49%. По данным вопро- сам, как и по всем вопросам, связанным с семейной и сексуальной моралью, эта группа - ближе к атеистам, чем к верующим. Зато по большой группе вопросов типа - можете ли вы брать взятки, изменять жене и т.д. (вопросов, затрагивающих прежде всего честность), эти лица отвечают "никогда" реже и чем верующие, и чем атеисты, и чем опрошенные в целом. Мораль в этой группе - наименее "жесткая". И очень характерно, что именно у этой группы ~ наибольший разрыв с моральной традицией. Среди опрошенных в целом 75% говорят, что их родители разделяют их моральные взгляды и 17% - что не разделяют. А среди верующих в реинкарнацию и астрологию первых - 69%, вторых - 24%. Самая бурнорастущая и "социально перспективная" группа - это одновременно группа с наиболее размытой моралью и наиболее разрывающая с моральной традицией.

Мы видели, что и атеизм и "нормальная" религиозность отступают и ни господства атеизма, ни господства православия впереди не "просматривается". Но также отступает, похоже, и жесткая, твердая (хотите - назовите ее "ригидной", "догматичной") мораль. И как наступает идейная, мировоззренческая неопределенность, так наступает и не жесткая, неопределенная, размытая (опять-таки, хотите, скажем: гибкая, открытая, не догматическая, "ситуативная") мораль, не склонная что-либо категорически исключать, говоря: "никогда".

Итак, при разительных моральных различиях традиционных верующих и атеистов между ними есть и определенное сходство в моральных оценках, есть большая группа ответов на вопросы, в которых атеисты и верующие представляют собой как бы единый "лагерь", противостоящий "прочим" и особенно носителям "нетрадиционной" религиозности (или "псевдорелигиозности"). В сфере политики такая "зона согласия" атеистов и традиционных верующих - еще больше.

Самым главным различием в отношении к политике атеистов и верующих является то, что атеисты - неизмеримо более активны и их политические позиции - более определены, чем позиции "среднего русского", а верующие - менее активны и позиции их менее определены. Так, обсуждают политику с друзьями - 29% атеистов, 17% традиционных верующих и 22% всех респондентов. На все имеющие отношение к политике вопросы традиционные верующие дают ответ "не знаю" значительно чаще, чем все опрошенные, и тем более, чем атеисты. На серию вопросов типа; "могли бы вы принять участие в демонстрации? ... подписать петицию? и т.д.", верующие отвечают "никогда не стал бы" также значительно чаще, чем респонденты в целом и чем атеисты.

Есть и другие различия. Относительный оптимизм, уверенность в своих силах и активизм атеистов, противостоящие пессимизму и неуверенности традиционных верующих, не могут не иметь "социально-политических выходов". Так, считают конкуренцию делом безоговорочно хорошим 30% атеистов, 15% традиционных

верующих и 20% опрошенных. Атеисты меньше, чем население в целом, и значительно меньше, чем традиционные верующие, склонны считать первой и второй причиной бедности "невезение" (первой причиной его назвали 10% атеистов, 14% верующих и 12% населения, второй - 16, 19 и 17%). Зато "лень" в качестве первой и второй причины назвали 48% атеистов, 39% традиционных верующих и 47% опрошенных. При ответе на вопрос, что важнее, свобода или равенство, свободу выбрали 47% атеистов, 31% верующих и 43% опрошенных. Страх традиционных верующих перед миром и их авторитарные психологические черты видны в том, что 71% среди них назвали самой главной задачей государства порядок (среди атеистов и всех опрошенных порядок выбрали 64%). Считают, что при социальных переменах самое главное - защита от всех разрушительных сил - 38% атеистов, 50% верующих и 38% опрошенных.

В ответах на вопросы о конкуренции, причинах бедности, свободе и равенстве на первый взгляд можно усмотреть чуть ли не легкую "демороссовскую", "гайдаровскую" тенденцию атеистов. Но скорее всего это - не так. И хотя, конечно, есть и атеисты с "демороссовским" типом политического мировоззрения, в целом хорошее отношение к конкуренции - проявление чисто психологической самоуверенности, характерной для этой мировоззренческой группы. В вопросах, более четко раскрывающих социальные воззрения, атеисты отклоняются от "среднего русского" отнюдь не в "гайдаровском" направлении, и их позиции оказываются ближе к позициям традиционных верующих, чем "прочих".

Назвали себя скорее консерваторами 31% атеистов, 23% традиционных верующих и 18% опрошенных. Что такое "консерватор" в России, где прошлое, ставшее традицией, возникло путем революции, сказать трудно, но все же скорее - это ориентация на сохранение каких-то элементов советских порядков. Зато слово "либерал" имеет четко "западнический", капиталистически-демократический оттенок. Либералами назвали себя 21% атеистов, 10% верующих и 18% опрошенных. Этот больший, чем в населении в целом, "консерватизм" атеистов и верующих раскрывается в ряде ответов на конкретные вопросы.

Так, безоговорочно за равенство доходов высказались 17% атеистов, 26% традиционных верующих и 15% опрошенных, наоборот, за большие различия в доходах как за источник инициативы - 7, 7 и 9%. Общественную несправедливость как первую или вторую причины бедности назвали 75% атеистов, 72% традиционных верующих и 70% населения. Наоборот, с тем, что бедность - неизбежное побочное следствие прогресса, согласились только 27% атеистов, 29% верующих и 36% опрошенных (при оценке этих данных следует не забывать, что атеисты - значительно обеспеченнее традиционных верующих и обеспеченнее "среднего русского").

При выборе между утверждениями, что в обществе должна доминировать государственная или частная собственность, безоговорочно выбрали государственную 21% атеистов, 23% традиционных верующих и 16% опрошенных. На вопрос, кто должен управлять предприятиями, отвечают: "государство" 29% атеистов, 27% традиционных верующих и 18% всех респондентов, "частный собственник" - 17% атеистов, 11% традиционных верующих и 17% опрошенных, "работники предприятия" - 37% атеистов, 21% традиционных верующих и 33% опрошенных. С утверждением, что экономическая система требует изменений, безоговорочно согласились 51% атеистов, 43% традиционных верующих и 48% опрошенных, безоговорочно против - 7, 2 и 2%. (Обратим внимание, что относительно обеспеченные атеисты значительно больше за перемены, чем живущие в безысходной бедности, но пассивные и безропотные традиционные верующие.)

Истоки "социализма" традиционных верующих - очевидны. Во-первых, это -

группа, особенно пострадавшая от "развития капитализма в России", у которой есть все основания для недовольства и ностальгии по прошлому. Во-вторых, государственная собственность, авторитарная политическая система, социальные гарантии - все это соответствует их психологии и тому патриархально-авторитарному идеалу, который проявляется и в их отношении к семье. Но "социализм" атеистов - иного происхождения (да и сам он несколько иной). Правда, атеисты потеряли от капитализма несколько больше, чем "средний русский". Но положение их все же - лучше, чем основной массы населения, и главное у них значительно больше оптимизма и уверенности, что они не погибнут в конкуренции. Кроме того, "социалистические тенденции" мировоззрения атеистов противоречат их высокому образованию - при переходе от менее к более образованным группам процент сторонников частной собственности растет, а сторонников государственной - падает. Поэтому, скорее всего, мы имеем дело с идейным фактором - с "социалистическими идеалами", связанными с атеизмом и сохранившимися в этой группе, как сохранился и сам атеизм.

Еще в одной группе вопросов позиции атеистов и верующих схожи. У атеистов, как и у верующих, - более сильная, чем у "прочих", ностальгия по СССР. Считают, что распад СССР можно и нужно было предотвратить - 57% атеистов, 65% традиционных верующих и только 47% населения, что он был неизбежен - 30, 26 и 33%, считают, что Россия должна быть супердержавой, какой был СССР - 69, 68 и 58%, что она уже никогда не будет супердержавой - 17, 13 и 18%. И опять-таки, как "социализм" атеистов имеет несколько иную окраску, чем "социализм" верующих, так и их ностальгия по СССР - несколько иная, чем у верующих. 29% атеистов, 17% традиционных верующих и 18% опрошенных считают, что Россия должна бескорыстно помогать бывшим братским советским республикам, 61% атеистов, 62% верующих и 66% населения - что в условиях кризиса Россия прежде всего должна думать о себе. Сторонников "бескорыстной помощи" среди атеистов все же заметно больше и их стремление к СССР имеет, таким образом, легкую интернационалистскую, идеально коммунистическую окраску.

Этот специфический оттенок виден и в других ответах атеистов и верующих. Так, атеисты и традиционные верующие больше, чем опрошенные в целом, горды тем, что они - граждане России (при этом традиционные верующие - особенно горды). Среди атеистов горды - 69%, не горды - 24%, среди традиционных верующих - 78 и 9%. среди всех опрошенных - 67 и 25%. Вместе с тем атеисты заметно больше, чем традиционные верующие (20 и 11%) и чем все опрошенные (13%) ощущают себя в первую очередь представителями Европы и мира. И в этих вопросах специфика позиции атеистов также не объяснима фактором их большего образования - образование четко коррелирует с негативным отношением к СССР и с меньшей гордостью быть гражданином России.

При анализе опросов 1990-1992 гг. также было отмечено сходство политических позиций атеистов и верующих и была выдвинута идея, что это сходство - глубинная основа российского "коммуно-патриотического" блока, соединения в общие демонстрации людей, идущих под красными и под монархическими знаменами. Русское прошлое почти не знало демократии, бывшей Недолгим переходным периодом между двумя "тоталитаризмами" и "империализмами" - самодержавным и советским. Оба этих основных российских "прошлых" при всей противоположности идеологий, которые в них господствовали, имели схожие социально-политические черты и соответственно, ориентации на них тоже могут иметь схожие черты и образовывать союз, блок, идеологическую амальгаму, противостоящие "западной", демократической и капиталистической ориентации. С 1992 г. выросла мощная партия, КПРФ, воплощающая это единство, сочетающая "идеалы социализма" с русской

великодержавностью и смутными идеями "православной цивилизации" (в ее причудливой идеологии есть и третий компонент, социал-демократический, но его значение неизмеримо меньше). И вполне естественно, что опрос 1996 г. показал очень большую поддержку КПРФ на выборах в Думу в декабре 1995 г. и атеистами и традиционными верующими (37 и 25% при средней по выборке - 19%). Очень любопытно, что традиционные верующие больше, чем все опрошенные (9 и 7%) и тем более атеисты (3%) поддерживают еще одну, вроде бы, прямо противоположную по идеологии партию - "Наш дом-Россия". Новее понятно - это "партия начальства" и ее поддержка верующими - традиционалистская поддержка власти как таковой, любой власти.

Если оба русских "исторических мировоззрения" - православная религиозность и атеизм связаны с оппозиционностью официальному политическому курсу на развитие капитализма и построение в России общества западного типа, то где же поддержка этому курсу? С какими общемировоззренческими основаниями связан в России западнический либерализм?

И исследование 1990-1992 гг. и опрос 1996 г. показывают, что есть несомненная связь между поддержкой демократии и капитализма и неопределенностью, эклектичностью общемировоззренческих позиций. Это видно уже из приведенных выше цифр, раскрывающих отклонение позиций и атеистов и верующих от "средних русских", т.е. от позиций людей с неопределенным мировоззрением, в консервативно-советском направлении. Но это становится особенно четко видно, если рассмотреть политические позиции людей с наиболее эклектичным мировоззрением, представляющих собой как бы "передовой отряд" наступающей эклектизации и неопределенности - тех, кто одновременно верит в астрологию и реинкарнацию.

Мы видели, что и верующие и атеисты чаще, чем все опрошенные, называют себя консерваторами и реже - либералами. "Эклектики", наоборот, реже именуют себя консерваторами (12%) и чаще - либералами (28%). Они - реже, чем "средние русские", за равенство доходов (10 и 15%) и чаще - за резкие различия в доходах (13 и 9%), меньше склонны называть первой и второй по значению причиной бедности социальную несправедливость (65 и 70%) и больше - видеть в ней неизбежное следствие прогресса (36 и 30%). Меньше - за доминирование государственной собственности (12 и 16%) и больше - частной (9 и 6%). Они реже отвечают "государство" на вопрос о том, кто должен управлять предприятиями (10 и 18%), и чаще - "частный собственник" (19 и 17%). Среди них меньше тех, кто испытывает гордость быть гражданином России (64 и 67%) и больше тех, кто такого чувства не испытывает (29 и 25%). Чаще, чем "средние русские", хотя и несколько реже, чем атеисты с их "интернационалистическим" идеологическим оттенком, они видят в себе в первую очередь представителей Европы и мира (16 и 13%). Меньше склонны осуждать распад СССР (39 и 47%) и больше - считать, что он был неизбежен (39 и 33%). Реже, чем все опрошенные, они думают, что республики бывшего СССР никогда не смогут стать нормальными государствами, "настоящей границей" (36 и 39%) и чаще придерживаются противоположной точки зрения (38 и 33%). Ясно, что люди с такими настроениями реже, чем опрошенные в целом, голосовали за КПРФ. Зато у них популярной партией на выборах 1995 г. было "Яблоко", которому они отдали 12% голосов при 7% голосов всех опрошенных.

Из сказанного выше вытекают хорошие долгосрочные перспективы для российского либерально-западнического направления. Если оно связано с общемировоззренческой неопределенностью и эклектицизмом (они же - "недогматичность", "открытость"), которые нарастают, значит, у него - хорошее будущее. И наоборот, КПРФ и другие подобные политические силы,

базирующиеся на "сжимающейся", стареющей, уходящей в прошлое мировоззренческой базе, в долговременной перспективе обречены. Опрос 1996 г. (как, впрочем, и множество других) показывает, что КПРФ - партия стариков. В возрастной группе 18-28 лет за нее голосовали 7%, 29-39 лет - 14%, 40-49% - 24%, 50-59 лет - 24%, 60-69 лет - 28%, старше 70 лет - 30%. Так что, как России не "грозят" массовая "нормальная" религиозность и, тем более, массовый атеизм, как ей не "грозит" наступление эпохи жесткой морали, так ей в конечном счете не "грозит" и возвращение коммунистов, социализма и СССР.

Как писал еще К. Маркс, революции очень часто рядятся в одежды прошлого. Протестанты воссоздавали древние христианские общины, французские революционеры стремились возродить древнеримские республиканские добродетели. Российская антикоммунистическая революция тоже шла вперед с головой, обращенной назад, к недолгому периоду относительной русской свободы и расцвета культуры между самодержавием и коммунизмом. Идея "возрождения России" нашла свое воплощение во введении двуглавого орла, трехцветного знамени, Государственной Думы и Сената и чуть ли не дворянства (разговоры идут даже о возвращении монархии). Естественным и необходимым компонентом этого "возрождения России" было "возрождение религии" - был построен шикарный Храм Христа-Спасителя, а сидение элиты на торжественных партконференциях было заменено ее стоянием на торжественных литургиях (причем стоят в основном те же, кто раньше сидел, с сильным добавлением криминального элемента).

Религия, православие стали символом, объединяющим очень разные мировоззренческие тенденции. Демократы-западники за религию: во-первых, потому что они против коммунизма; во-вторых, потому что они ищут опору в русском прошлом, а это, опять-таки, прежде всего период 1905-1917 гг.; в-третьих, потому что они знают, что на Западе религию уважают, и американский президент приносит присягу на Библии. Антизападники, националисты, тоже за религию, ибо православие - основа русской самобытности, национальная вера, и даже атеисты, как мы видели, стали теперь атеистами "для себя" и тоже более или менее - за религию. Одним словом, за религию - все. Но при этом практически никто не верит и, почти несомненно, и не будет верить. Если в момент падения КПСС и СССР и всеобщего стремления к религии, "религиозного возрождения", тем не менее, не получилось, очень мало шансов, что оно произойдет в будущем.

Маятник, совершивший мощный ход от тотального православия к почти тотальному атеизму, для обратного хода сил уже почти не имеет. Вся энергия вышла на первое мощное движение. "Религиозное возрождение" впереди не "просматривается", зато отчетливо видно господство идейной, мировоззренческой неопределенности и эклектизма, мировоззрения, которое, в зависимости от вкусов, можно назвать "открытым", "адогматическим", свободным, а можно - духовной энтропией и эклектикой, броуновским движением не связанных друг с другом, оторвавшимся от каких-либо прочных структур и не способных войти в новые такие структуры блуждающих идей. Не видно впереди и господства жесткой морали, людей, застегнутых на все пуговицы и чему-то "беззаветно преданных". Скорее всего, будет господствовать мораль, которую, опять-таки в зависимости от вкусов, можно назвать гибкой, адогматичной, "ситуативной", а можно - вялой, расплывчатой, неопределенной. Нового тоталитаризма, скорее всего, не будет, ибо для него как раз нужны честные и беззаветно преданные люди, появления которых в сколь-либо заметных количествах не предвидится. Но и демократия, несомненно, будет также непохожа на образы, которые были в головах российских демократов в 1991 г., как современная Франция непохожа на мечты

Робеспьера и Сен-Жюста, современные США - на мечты Джефферсона, а СССР 70-х гг. - на мечты Ленина и Троцкого.

Стремясь наверстать упущенное в своем демократическом развитии и "войти в цивилизованный мир", Россия вынуждена как бы подниматься по эскалатору, идущему вниз - она стремится к "возрождению религии" на фоне общего упадка религиозности, к созданию партий на фоне упадка партийных систем и т.д. Все это создает особые, дополнительные трудности и, кроме того, искажает перспективу, не дает правильно увидеть направление движения.

Внешне кажется, что Россия возвращается к утраченному при большевиках, к "России, которую мы потеряли". Но это возвратное движение - относительно поверхностное, внешнее. Основное же движение - не назад, а вперед, вместе со всем миром. Во всем мире происходит упадок жестких идейных систем - и религиозных, и не религиозных. Массовый атеизм остался только на Кубе и в Северной Корее (и то Куба, кажется, уже сдается), а возрождения жесткой, "тоталитарной" религиозности побеждают только в таких странах, как Афганистан и Иран. Людей, считающих себя религиозными, в 1991 г. было меньше, чем людей, воспитанных в религиозном духе, согласно данным Всемирного исследования ценностей, в Польше - на 6%, Ирландии - на 22%, Италии - на 12%, Германии - на 8%, Англии - на 6%, Индии - на 12% и т.д. "Постмодернистский" эклектизм тоже нарастает во всем мире. Между прочим по вере, например, в реинкарнацию Россия далеко не на первом месте. В России верящих в реинкарнацию в 1991 г. было 17,3%, а в США - 21,2%, Англии - 25,3%, Исландии - аж 32,3%. Падению старого типа морали посвящена громадная литература, но и без всякой литературы мы видим, как падают ранее незыблемые запреты, особенно - в сфере сексуальной морали. Демократия распространяется, но приобретает новые и странные черты, например, приходят в упадок политические партии, расшатываются, как сверху - наднациональными структурами, так и снизу - регионализмом, национальные государства. Россия "втянута" в эти всеобщие, мировые процессы, и та поверхностность "религиозного возрождения" и те эклектизация сознания и рост мировоззренческой неопределенности, которые мы прослеживали - отражение и преломление в российской действительности этих процессов.

Но, может быть, течение, влекущее Россию в неизвестное и странное будущее - это просто плохое течение и русские люди должны сопротивляться ему, плыть против него, как бы это ни было трудно, как в свое время призывал Россию противостоять всемирным процессам, 'отлично понимая их мощь и необратимость, К.Леонтьев? Авторы данной статьи старались написать ее объективно, раскрывая то, что есть, и не вынося этому оценок. Даже в употреблении слов они избегали те из них, которые имеют оценочный оттенок, или "уравновешивая" такие слова другими, с противоположным оттенком, например, говоря, что одно и то же явление можно назвать "открытостью", а можно - и "энтропией". Но, естественно, у авторов, особенно у русского соавтора, есть свои эмоции. Русский соавтор данной статьи - человек уже отнюдь не молодой, и современные тенденции полностью нравиться ему не могут. Астрология вызывает у него даже злобу (впрочем, тщательно подавляемую). Но это - естественно, так всегда было с немолодыми людьми, воспринимающими новое как деградацию (еще князь Щербатов писал "о повреждении нравов в России"). Если же мы спокойно вспомним общеизвестные факты, то это должно будет освободить нас от возрастного и "поколенческого" брюзжания. Люди не становятся хуже - они становятся другими. По сравнению с нашими, представления о добре и зле людей средневековья были очень жесткими, но вполне искренняя религиозность людей того времени не мешала ему быть

кровавым и страшным. И люди, знавшие, что "не убий" - заповедь и что за грехи их ждет вечная мука в аду, убивали (и не только убивали, но и мучили, издевались, пытали) с легкостью, не представимой для современных людей с их размытой моралью, ни о каких заповедях, возможно, и не слыхавших, и в ад и Страшный суд не верящих. Равным образом, атеисты- коммунисты России 20-30-х гг. могут вызывать уважение своей самоотверженностью и честностью (особенно в сравнении с тотальным воровством современной российской элиты), но это отнюдь не делает эти годы "добрым старым временем". В каждом времени есть и плохое и хорошее, никакое время не может быть однозначно плохим или хорошим. И то странное будущее, черты которого смутно проступают в данных наших опросов, - тоже не плохое и не хорошее. В нем есть и плохое, (вызывающие интеллектуальный, эстетический и моральный протест эклектизм и "несерьезность" идей) и хорошее (терпимость, очень малая вероятность тоталитаризма и преследований за идеологию - за отсутствием таковой). И в нем, несомненно, будут свои хорошие и плохие варианты. Будущее - как новый возраст, который сам по себе - не хорош и не плох ("у природы нет плохой погоды"), который может стать для человека и плохим и хорошим, но главное в нем - что он неизбежен. Однако в отличие от отдельного человека, который может все же представить себе проблемы и задачи следующего этапа, ибо циклы человеческой жизни повторялись миллиарды раз, человечество и его цикл - уникальны. Черты и проблемы следующего этапа развития представить себе очень трудно, ибо нет аналогий, примеров старших. Они всегда будут в значительной мере непредставимы и странны. Мы полагаем, что наша работа позволяет чуть-чуть заглянуть в это странное будущее, увидеть, как оно незаметно, но быстро подкрадывается, превращаясь в настоящее.